

А мне семнадцать лет...

Досье «ВМ»:

Людмила Георгиевна ЗЫКИНА — народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. Президент московского отделения Фонда мира, президент Академии культуры России. Окончила школу рабочей молодежи. В двенадцать лет «добавила» себе годков, чтобы устроиться на завод им. Серго Орджоникидзе ученицей токаря. Что это такое, узнала уже после того, как встала к станку. Потом работала швеей в больнице им. Кащенко. Петь Милуша начала в три года под влиянием бабушки — известной в округе певуны. Во время войны пела под гитару раненым и инвалидам в госпитале Вишневого (в палатах — стон, гнойные бинты через прачечную возвращаются в операционную). Обездила более девяти стран. Пела с полярниками на дрейфующих льдинах, с Юрием Гагариным и «Битлами» (с ливерпульской четверкой «пересеклись» в бостонском ресторане; талисман Леннона — нательный крестик — хранится у певицы до сих пор). Почитатели разбросаны по всему миру. В Японии даже есть ансамбль имени Зыкиной. Считает себя невероятно сильной. В детстве избрала упражнение для тренировки воли: заходить в пруд с пиявками и стоять неподвижно, считая до трехсот. 10 июня Людмила Георгиевна отмечает свой юбилей. Интервью раздает без передышки.

Людмилу Зыкину не приняла КПСС. Зато принимали Хрущев и Косыгин



Архив Л.Г. Зыкиной

Наталья СКЛЯРОВА

— Похоже, Людмила Георгиевна, вас совсем замучили.

— У меня и без юбилея столько работы! Сложно организовывать концерты. На сегодняшнюю эстраду пробиваются совсем не те, кто этого заслуживает. А я по-прежнему каждое утро занимаюсь разработкой голоса. Сольными выступлениями я занялась довольно поздно. Моя «популярная» началась только тогда, когда я десять лет отработала на радио. Сразу работать сольно было тяжело. Ведь в хоре (с восемнадцати лет я пела в хоре Пятничко) тебе ноты приносят на блюде. А когда выступаешь одна, надо самой принимать решения.

— Вам нравится современная эстрада? Вы пели и с Юлианом, и с Борисом Моисеевым...

— С Борей я не работала, а просто участвовала однажды в его концерте. Было действительно приятно. Он меня так красиво преподнес. Передо мной выступала группа «Бони М», так в зале ужас что творилось: все просто на головах стояли. А я должна идти с песней «Течет река Волга». Сердце так и замерло. Вот, думаю, все кончено. Но как только запела «Течет река», все вдруг остановилось и стали потихоньку, потихоньку уходить на свои места. А потом зааплодировали...

Я на современную эстраду не жалуюсь. Но посмотрите — у нас так много народных коллективов: Омский хор, Волжский хор, Северный хор... Но раньше они звучали, их видели. А сейчас? Мне больно и обидно, что власть принадлежит тем, кто

заплатит. Кто знает сейчас народные ансамбли? Да и симфонические? Вы любого молодого человека спросите, кто такой Маторин или Архипова. Да и меня начинают забывать.

— Ну, это неправда.

— Правда-правда. А почему? Два года назад я отметила пятидесятилетие творческой деятельности. Отметила масштабно. Сразу ко мне пришло столько молодежи! И музыканты, и певцы... Все говорили: где ваши концерты, Людмила Георгиевна? Мы хотим вас слышать! А после этого я на телевидении практически не выступала, очень дорого. О спонсорах я не думала, привыкла сама зарабатывать деньги. А спонсоры — сегодня они есть, завтра — нет... «ЛУКойл» обещал помочь, «Газпром»... Пока все на словах.

— Разве «Газпром» не помог? Вы же дружите с Черномырдиным...

— Я его знаю больше тридцати лет. Знаю его жену, детей. Мы знакомы еще с тех времен, когда он работал инженером в Оренбуржье. Я к нему хорошо отношусь как к человеку.

— А как к политику?

— Я в политике не разбираюсь. Хотя то, что я делаю, — это тоже политика. Все мои песни — история нашего государства, его строя. Но самой политической должны заниматься компетентные люди.

— Но наверняка вы задумываетесь над тем, что у нас происходит.

— Мне кажется, демократы рулят куда-то не туда. Но современных коммунистов я тоже не поддержи-

ваю. Может быть, из-за их нежелания хоть как-то покаяться в прошлом. Хотя в свое время я даже пыталась вступить в КПСС, меня не приняли.

— Вас? Не приняли?!

— Три раза отказали. Когда в первый раз подавала заявление, не прошло и месяца после развода с мужем. Сказали, что я морально неустойчивая. Во второй раз тоже не получилось: я как раз перешла на новую работу. А в третий — вообще смешно: заявление написала тушью, а надо было, оказывается, чернилами. Ну, думаю, видимо, не судьба.

— Вы ностальгируете по Советской России?

— Не то что ностальгирую... Помню, в Корею (ко дню рождения Ким Ир Сена всегда устраивались фестивали искусств, я участвовала в них) вышла на балкон гостиницы. Смотрю — а внизу дети, все в темных брючках и юбочках, в светлых рубашечках, в галстучках красных. Мы все это растеряли. Нет пионерии, нет комсомола. Все варятся в собственном соку. Молодежи некуда себя деть.

— Но так ли уж приятно ходить строем? Наверное, лично вам было все-таки обидно, когда Фурцева не разрешила сменить «Волгу» на «Пежо»?

— Она не запрещала, я просто пришла к ней посоветоваться как к старшей. Тогда иномарки ввозились с высокой пошлиной. Наверняка мне снизили бы. Но Фурцева сказала: русская певица должна ездить на русской машине. Просто чтобы не было лишних разговоров. Народ

любит поговорить. В любом случае плохо окажется: на иномарке ездит — ага! от народа отделилась; на трамвае — ага! все деньги растратила. Обо мне и так всегда много трепу ходило. Вот перед вами журналистка приходила, все слухи выясняла: правда ли это, правда ли то. Их творчество не интересует, им подавай, какие салаты предпочитаете, какой размер одежды носите...

— Слухи мешают?

— Какие слухи? То, что я была хорошо знакома с Фурцевой? Так я этого и не скрывала.

— Говорили, что вы с ней пили водку.

— Мне это не мешало, поскольку этого не было. Вот если бы было (смеется), тогда бы мешало. Я бы просто не смогла петь до такого возраста.

— Еще вас считали тайной женой Косыгина и чуть ли не любовницей Хрущева.

— С Косыгиным все вышло на пустом месте. Он просто сказал тост в честь меня. А Хрущев... На одном из приемов я пела «Течет река Волга». И фразу «а мне семнадцать лет» заменила на «а вам семнадцать лет», причем обращаясь к Никите Сергеевичу. Ну, он и развеселился. «Вот, — говорит, — я еще молодой, оказывается!» Отсюда и пошло. Да это все такие мелочи...

— Вы как-то говорили, что вас убивают именно мелочи.

— А это настолько мелочи, что даже и не убивают (смеется).

— А что может убить?

— Меня? Ничего не может убить. Потому что я сильный человек. Я все могу. Человеку дана жизнь лишь однажды, и он должен с ней справиться. Он или должен сделать ее красивой, или, если он лодырь, тогда — увя (разводит руками)... А я всю жизнь стремилась к лучшему и всегда брала пример с самых лучших.

— С кого?

— Я очень любила театр и люблю до сих пор. Тарасова, Жаров... Многие артисты моего поколения. Их немного, но для меня они были эталоном. Правда, теперь я редко хожу в театр, не успеваю следить за культурной жизнью... Сейчас все с ума сходят из-за юбилея Пушкина. Поэт заслуживает самого большого уважения. Это достоинство нашего народа. Но ведь людей много, и каждый старается заработать хоть на чем-то. Фальшивых людей везде хватает. Но есть и очень много хороших актеров. Вообще мне сложно говорить об этом. У меня просто не хватает времени.

— А на хобби? Помнится, в свое время вы вышивали целые пейзажи, картины Ренуара...

— Только раньше. Я очень хотела коллекционировать хорошую живопись. Но однажды мне чуть не вшили поддельного Коровина. И тогда я решила, что лучше буду делать картины сама. Как-то в Германии купила несколько переведенных на ткань картин — канву для вышивания. Первой картиной был пейзаж: лес, избушка, рядом кузнец подковывает лошадей. Зима, дымок, березки вдали... Но сейчас я уже не вышиваю. Это трудоемкая работа. Не хватает даже не времени, а просто сил уже не хватает.

— А на друзей?

— У меня много друзей. Но врагов у меня нет, знаю точно.

